

Ник. Смирнов-Сокольский

"Только не воспоминания"

Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. Издание пятое
М., "Книга", 1983
OCR Бычков М. Н.

Так называется одна из статей В. В. Маяковского, написанная им для юбилейного номера "Лефа", посвященного десятилетию Великой Октябрьской революции¹⁴.

В этой статье он писал, что всякие "вечера воспоминаний" ему "не по душе", что вместо этих "вечеров" он предпочел бы объявить: или "утро предположений", или "полдень оповещений", но... и далее сам не обошелся без воспоминаний.

Без воспоминаний трудно, очевидно, обойтись вообще, а в особенности когда они касаются такой громадины, как Маяковский. О нем всякая, даже самая маленькая подробность не может показаться ненужной.

Я встречался с Владимиром Владимировичем множество раз: и выступая в тех же "торжественных" концертах, в которых выступал и он, и бывая у общих знакомых, и, наконец, просто за биллиардом, в актерском клубе.

Никакой особой близостью к нему я похвастаться не смею, но относился он ко мне весьма дружелюбно. Для эстрадного фельетониста имя Маяковского тогда было неистощимой "злостью дня", и он, зная, что я частенько упоминаю его в своих выступлениях, не в пример многим другим, столь же знаменитым товарищам, не обращал на это ровно никакого внимания и лишь иногда, встречаясь где-нибудь, говорил:

-- Питаетесь мной, как червь яблочком...

Осенью, то ли 1928, то ли 1929 года, мне, приехавшему на гастроли в Ленинград, довелось жить с Маяковским в одной гостинице. Общий наш друг режиссер Давид Гутман, проживавший в то время тоже в Ленинграде, пригласил и его, и меня, и еще ряд товарищей в гости. Маяковский любил актеров, эстрадников, циркачей (клоуна Виталию Лазаренко он даже кое-что писал для репертуара) и пришел в эту компанию, по-видимому, не без удовольствия.

Из писателей кроме него были Л. В. Никулин, Виктор Ардов, Валентин Стенич и кто-то еще.

Мне в те дни посчастливилось, и я приобрел у одного старого библиографа его довольно значительную коллекцию альманахов и сборников XVIII и XIX столетий.

Альманахи и сборники я всегда собирал с особенной страстью. Для меня эта вновь приобретенная коллекция была уже не первой и отнюдь не последней. Я, что называется, "ершил" экземпляры, Добиваясь для своего собрания полноты и лучшего вида. Однако и в этом моем "заходе" были чудесные вещи: комплекты "Северных Цветов" Дельвига, "Невского альманаха" Аладьина, "Полярной звезды" Бестужева и Рылеева, "Мнемозины" Кюхельбекера и Одоевского, "Для немногих" Жуковского, все литературные сборники Некрасова, редчайшие альманахи поэтов-радищевцев, сожженная царской цензурой "Вятская незабудка" и множество других, тех самых, о которых когда-то Пушкин сказал, что они "сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движениях и успехах"¹⁵.

За столом разговор некоторое время вертелся вокруг этой моей находки. Единомышленников по книжному собирательству не было, ни одного, и все "испытанные остряки", во главе с самим Владимиром Владимировичем, подтрунивали над моей "страстишкой", называли меня "старьевщиком", "шурум-бурумщиком" и так далее. Поэт громогласно процитировал самого себя:

Ненавижу всяческую мертвечину --
Обожаю всяческую жизнь!

Я отбивался, как мог. Зная равнодушие Маяковского ко всякого рода автоматическим ручкам, я выдернул из кармана великолепное перо, подаренное мне ко дню рождения Демьяном Бедным, с выгравированной надписью: "Смирнову-Сокольскому -- от Демьяна".

Маяковский впился в ручку и, явно завидуя, стал внимательно изучать ее механизм. В то время перья эти были большой редкостью.

-- Не завидуйте, Владимир Владимирович,-- старался подтрунить и я,-- со временем и вам такую